

Тотальное Танго

авантюрный роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Адамар Визард

notsaintalex

Тотальное танго

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45162541

SelfPub; 2021

Аннотация

Авантюрный роман о том, как любовь становится частью большой аферы. И что же окажется сильнее: огромные деньги или настоящие чувства? Монте-Карло, Форте-дей-Марми, Флоренция, Буэнос-Айрес. Путешествия, погони, хитрые финансовые схемы, философия большой игры и, конечно же, любовь! Мужчины запрещают эту книгу своим жёнам, а женщины – читают вслух своим мужьям. Причину вы узнаете в сюжете.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Прелюдия. Вместо предисловия	4
Глава I. Спонтанный флирт	12
Глава II. Искусство быть	23
Глава III. Ролевые игры	36
Глава IV. Море в небе. Интрига, тайна и азарт	47
Глава V. Исповедь афериста	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

notsaintalex

Тотальное танго

Прелюдия. Вместо предисловия

«Он и Она» – извечная тема. Все жаждут познать, что такое Любовь. Но как объяснить? И существует ли вообще такая форма, образ, мысль, чтобы вот так вот просто взять и сразу проявить её в пространстве наших чувств? Любовь...

– Ma-donna santa! Сколько слов! – Адам изобразил изрядно утомлённое лицо, откинувшись на спинку стула, закончив фразу элегантно выбросом руки с зажатой между пальцами сигарой.

– Я – итальянец! Сколько слов... И я ищу ответы! – Томазо поспешил запить свои слова прохладным Chardonnay. Бокал последовал на стол, а послевкусие растаяло во вздохе.

2009 год. В Италии вовсю кипело лето. Июль стихал, ему на смену зажигался Август. Горячий день ушёл с закатом Солнца, а знойный вечер только начинался.

Два давних друга поглощали «скромный» ужин в премодном пляжном заведении «Bistrot». Его легко найти в сказочном курортном городке, куда съезжались на Vacanza вальяжные Тузы со всей Европы и, соответственно, изысканные дамы. И, соответственно, Адам. А следом и Тома-

зо. Оба безмерно обожали женщин, но и, отнюдь, не бежали за ними. Просто, являясь частью европейского «Jet-Set», они невольно попадали в эпицентры светской жизни: сегодня здесь, в Версилии, «зависли», а завтра... в Монте-Карло, Каннах, Ницце – и снова фото в глянцевых страницах – в Дубае, Марракеше, Лондоне, Париже и на денёчек в Куршевель – скатиться с гор на лыжах... Затем гольф-клубы, снова светские приёмы, а на уикенд – на белой яхте в укромных гаваней проёмы – уединиться тоже надо, не всё ведь светская забава.

А жизнь тем временем проходит... И чтобы зря ей не пропасть, Адам с Томазо так решили: «Постичь в Любви всю её страсть! Достичь вершины наслаждений, понять, где пик вулкана чувств! И сформулировать доступно рецепты всех шальных безумств!»

Задача эта оказалась непростая. Нужны эксперименты! Женщин – стая! И к каждой – правильный подход. И понеслось... Не прямо к цели, как хотелось, а в обход.

Адама дамы называли «Диамантовый Амур» за то, что, просыпаясь по утрам в постелях пятизвёздочных отелей, вместо любовника на смятых белоснежных простынях, они внезапно находили россыпи чистейших, как слеза, бриллиантов – компании Адама добывали их в ЮАР и поставляли в Ювелирные Дома Европы. Весь этот бизнес, хоть и нелегальный, служил отличной ширмой для отвода глаз – и Интерпол, и ЦРУ, и Анти-Мафия – все сдались, не понимая, что

ещё искать. В реальности, Адам был первоклассным аферистом. И имя «Адам» было вовсе не его – так, псевдоним, на всякий случай. Их у него премного про запас, смотря какую даму обольщает. Знакомясь с ними, он мгновенно проникал в их души и представлялся именем, которое они (!) желали слышать: Эдмон, Диего, Марко, Доменик... А дальше начиналась сказка на ночь для взрослых девочек, кому за двадцать пять. В делах любовных наш Адам был искушённым джентльменом, предпочитая зрелых остроумных дам. Модельки из «Play Boy», конечно, тоже были, но не было в них искорки искомого огня.

Да, много женщин было у Адама, но преданность хранил он только двум! Одну из них он ласково именовал «La Vita», другую страстно называл «La Morte» – всегда крутился где-то между – то в Жизнь врывался, то срывался в Смерть. Всех остальных он просто дико обожал. А женщины... Они, ведь, чувствуют, когда их обожают, но отвечают только тем, кого любить невыносимо больно.

Томазо был Адаму ровней – практически, ничем не уступал, только годами был постарше – Адаму было тридцать, Томазо – тридцать пять. А так – типичный итальянец и гениальный аферист (!): в Америке поднял сто сорок миллионов, в Италии держал свой ресторан. Да и ни где-нибудь, а в самом центре флорентийской суеты – на набережной Арно. Считалось самым модным заведением Тосканы, где каждый вечер тусовались VIP-персоны и, соответственно, изыскан-

ные дамы. И, соответственно, Адам, с которым пропадали эти дамы, Томазо оставляя не у дел.

Вот так и проявлялась конкурентная борьба между Адамом и Томазо в делах синьора Казановы – они бесстрашно приносили себя в жертву ради познания великих тайн алхимии любви. И каждый раз, когда они встречались, делясь открытиями новых постижений, рождался жаркий спор об истинах «Amore Vero».

Так и на этот раз, вальяжно заседаая за круглым столиком в «Bistrot», неспешно запивая нежное мясо из клешней краба знатным Шардоне, они спешили, кто вперёд, дать точное определение Любви. И атмосфера вся к тому располагала. Богатое убранство залов ресторана в мягких бежевых тонах приятно утопало в ярком свете от причудливых настенных бра. Столы различных форм-размеров накрыты скатертями белыми, спадающими в пол, словно подола свадебных нарядов. Огонь свечей ласкает розы в белых вазах. Повсюду светский гул и женское «хи-хи» со шлейфом их гламурных ароматов на фоне бряцания серебряных приборов о фарфоровый сервиз. Чёрный пустующий рояль по центру одного из залов всё ожидал, когда придёт его маэстро – тогда и он, рояль, заявит о себе. Официанты, тут и там, с прямой осанкой, гордо и бесшумно метали на столы неповторимые по вкусу яства – их виды наполняли рот слюной быстрее, чем ароматы сочного лимона. И старый сомелье всегда тут наготове: «Прошу вас, карта вин. Мои вам пожелания...».

Здесь каждый вечер собираются знакомые друг-другу люди, с порога никого не замечая, играя в странную игру «а кто кого вперёд узнает» – кто первым скажет «Ciao!», тот проиграл. И кто играл в эту игру, их итальянцы называли «Russo!» – ещё одна игра «а ну-ка, угадай!».

Адам с Томазо в эти игры не играли, и никого вокруг себя не замечали – сегодня между ними важный спор, а кто вмешается, тому войны топор!

В речах Томазо было, что ни аргумент, всё к одному – к простому сексу.

– Да что мы спорим, Cazzo Santo! Любовь – есть секс! E basta с этим! – он насадил на вилку мясо краба.

– Здесь секс лишь техника в моменте! – закуривая, возразил Адам, – То есть, аккорд финальный в твоём опыте печальном...

– Аккорд финальный, спору нет! Но вся прелюдия нацелена на это!

– О! – заметил на секундочку Адам, – Прелюдия! Вот где скрывается Любовь на пике страсти! Вот что в действительности нужно пронести Ему и Ей сквозь кульминацию оргазма! И этим...

– Сквозь кульминацию оргазма... – расхохотался сексо-гладиатор, – Смотреть на сцену, когда занавес опущен... Спектакль окончился, и зал давно пустой.

– Ma tu sei stupido cretino! – от безысходности Адам развёл руками, – Ты просто фаллоимитатор говорящий! Сто слов в

секунду мимо сути!

– Я? Говорящий фаллоимитатор? – ещё сильнее хохотал Томазо, – Сто слов в секунду... Ха-ха-ха... Всё мимо... сути... Ей Богу, если так смеяться... кончить можно... О-о-о... Подожди... ха-ха... сейчас я успокоюсь...

А успокоившись, продолжил:

– Мои слова... – салфеткой слёзы смеха вытирая, он даже и не думал отступать, – Слова мои нужны, как воздух! Ведь женщины влюбляются ушами... И той же ночью обнимают меня длинными ногами... И вся любовь! И в этом радость!

Они как будто бы не слышали друг друга. Адам искал определение Любви в глубинах скрытых чувств, когда Томазо формулировал её животными страстями.

– Ну, хорошо! – вздохнув, Адам решил попробовать иначе, – Отчасти, ты, конечно, прав – стартует женщина ушами. Но это всё опять детали!

– Вся жизнь в деталях...

– Обожди! Я мысль иную до тебя пытаюсь донести! В деталях можем мы с тобой копать бесконечно. В определениях Любви – это как звёзды собирать по всей Вселенной – не хватит жизни... ни твоей, и ни моей. Но! Есть одно лишь ключевое слово, в себя вмещающее абсолютно всё! Один простой понятный Образ, способный сразу объяснить, что есть Любовь! Ты произносишь это Слово и Образ тут же раскрывается вулканом острых чувств. Твой мозг взрывается от перегрузки, но Сердце понимает всё, как надо...

– О, как загнул! Ушам своим не верю!.. – Томазо снова попытался пошутить.

– Послушай! – перебил Адам, – Я говорю вполне серьёзно! Способен ты меня услышать или нет?

Томазо вдруг осёкся, брови свёл, запил вином и стал серьёзным. Он знал Адама слишком хорошо – когда тот говорит о чём-то, как сейчас, то это значит, мысль его растёт из сути. А суть Адама в опыте его! В том опыте, что он познал реально. От этой мысли наш Томазо поперхнулся – глоток вина чуть не ушёл в другое горло. Он посмотрел внимательно в глаза Адама – прямой уверенный холодный взгляд.

– Не уж-то хочешь ты сказать?.. – Томазо сомневался. Адам кивнул ему в ответ, не дожидаясь окончания вопроса, – Тогда скажи мне это Слово. Что за Образ? Что за история с тобою приключилась?

– А ты готов это услышать и принять? – теперь Адам внимательно смотрел в глаза Томазо, выискивая там остатки чувственного мачо, которого любили в нём изысканные дамы.

– Что за вопрос! Конечно...

– Она сказала мне, что этот Образ постичь способны только зрелые мужчины...

– Да кто «она»? Не интригуй! Рассказывай, дружище! Или ты думаешь, что я ещё не зрелый?

Адам, раскуривая новую сигару, в ответ пожал плечами, мол, кто знает.

- А ты постиг? – слегка обиделся Томазо.
- В том-то и дело, что не сразу.
- Тогда начни историю с начала!
- О-кей! Пойдём, прокатимся по Lungo Mare.
- Отличная идея! – подхватил Томазо.

Глава I. Спонтанный флирт

Двойным эспрессо завершился ужин. Стрелка часов неумолимо штурмовала полночь. На улицах Форте Дей Марми всюду бурлила жизнь: туристов пёстрая толпа, цветными мокасинами шлифуя мрамор тротуаров, искала себе новых развлечений; витрины модных бутиков сияли тысячью соблазнов; отрывки звонких реплик отовсюду тонули в шуме городских дорог – брутальные клаксоны дорогих авто как будто обсуждали планы на ночь, а между их ксеноновых огней сновали скутеры – назойливые мухи; из недр переполненных кафе и пляжных клубов басами вырывались ритмы популярных тем. Развесистые шапки редких пальм, смущаясь света фонарей, строптиво обнимались с тёплым ветром. И запах моря в лёгкой дымке собою полнил грудь привычной жаждой драйва.

Обычно, в это время, наши неуёмные герои приходили в «Твигу», где находили знойно-сладострастных дам – от слова «дам» – и искушали их затем до самого утра. Но в этот вечер было не до них.

Bentley Continental GT с салоном «Mulliner» ручной работы, весь чёрный, как шальная ночь, послушно отозвался на призыв Адама – мотор звучал свирепо, но покорно, еле слышно – рычаг на «Drive» и медленно вперёд. Томазо развалился рядом и молчал – он ждал историю. Адам не то-

ропился. Неспешно вывернув с парковки ресторана, втесавшись в гущу Lungo Mare, они направились куда-то в Виареджио. Траффик по-прежнему плыл плотной вереницей, и публика мелькала в свете фар – опаздывали все... Куда? Да, кто их знает!

Салон авто заполнил голос Барри Уайта – любимого певца Адама. Томазо потянулся к мини бару и вытащил бутылку «Chivas», а следом и тяжёлые стаканы. А на закуску две кубинские сигары. Обычно за рулём они не пили, но в этом траффике – само собой. И после третьего глотка Адам заговорил.

– Недели две тому назад, в разгар июля... Последний покерный турнир в нейтральных водах. Помнишь?

– А! После него я улетел на Мальту! Конечно, помню! – довольно улыбнулся сам себе Томазо.

– Так вот. А я вернулся во Флоренцию тогда, чтобы уладить с адвокатами свои вопросы. Затем мне позвонил синьор Морено и пригласил к себе в кафе на «Piazza della Liberta». Я до него доехал в полседьмого, хотя назначились на семь. И эти полчаса мне вздумалось занять своим любимым делом – простым, обычным созерцанием людей. Разгар аперитива. Народу было много – люди покидали офисную пыль. Жара спадала неохотно. Внутри прохладного кафе свободных мест не оказалось, поэтому на улице, в тени широкой колоннады, я занял самый скромный столик. Сижу, смакую свой эспрессо, наблюдаю, ищу глаза – смотрю, что там у них внутри. Всё,

как обычно, без сенсаций – стандартные людские души всё с теми же заботами, надеждами и гневом. И тут я замечаю за соседним столиком, буквально в метре от меня, сидит чета Манеджи...

– Кто-кто? – не смог понять Томазо.

– Манеджи! В возрасте уже. Они обычно ужинают в «Harry's Bar». Синьор Манеджи, старый финансист.

– А-а-а!.. «Maneggi startup group»! В офшорах венчурные фонды! Какой он, к чёрту, финансист! Один из нас он – аферист!

– Одно и то же, но не суть, – Адам продолжил свою повесть, – Сидят они лицом друг к другу, меня не замечают. И, между делом, но с акцентом, судьбу сыночка обсуждают:

«Не нравится мне эта пассия его!» – жена Манеджи грозно заявляет. А тот, напротив, далеко не против, с иронией, спокойно отвечает: «Да что ты, милая, оставь его в покое! Уж лучше эта Лаура, чем шлюхи с Круазетт в его покоях...».

Она хотела было что-то возразить, но осеклась, и они оба вдруг заулыбались – к ним молодая пара приближалась. Сыночка их любимого я сразу же узнал – бездельник Мирко, сорок лет – за папин счёт проводит в Каннах вечеринки, где и тусуется со шлюхами с Бульвара Круазетт. Но... на секундочку... постойте! Что это за милая особа рядом с ним! На вид – лет тридцать, максимум, а может и моложе. Фигурка – просто блеск – словами не опишешь. Хотя, чего там долго думать – Сальма Хайек!

– Не может быть, чтобы она! – протяжно заявил Томазо, – Ты Сальму знаешь! Где Она!.. – он подчеркнул высоким жестом, – И где там он – пыль праха под ногами.

– Всё верно, – улыбнулся Адам, – К тому же, как я понял из нечаянно подслушанной беседы, зовут её совсем не Сальма. И всё же, до чего ж похожа! Как будто отражение её! Короче, я сижу и наблюдаю за развитием сюжета. Чета Манеджи поднялась навстречу молодым: Чао-Чао! Чмок-чмок! – по-доброму, любезно. И вчетвером – все разместились за столом: спиной ко мне уселся Мирко; чета Манеджи, как и прежде, боком ко мне, лицом друг к другу; а Лаура – напротив Мирко – смотрела прямо на меня, но и ещё не замечала. Зато уж я, ох как её заметил! О, если бы ты знал, что я нашёл в очах её бездонных. Там просто Космос! Бездна! Небеса! Она была совсем не итальянка. И даже не испанка. Пылала в ней иная красота, настолько жгуче, яростно и ярко, что я подумал на минутку – мексиканка! Одета скромно, но со вкусом: простое платьице с глубоким декольте на тонких ляпочках, пошито, точно на заказ, из лёгких белых тканей с шёлковым отливом; широкий белый ремешок по моде этого сезона и босоножки в тот же тон, похоже, что от «Maigo Volroni». Бюстгальтера на ней я не заметил, да и синьор Манеджи – старая скотина – украдкой наблюдал слегка набухшие под платьицем соски. Преровный бронзовый загар, казалось, что врождённый. Вся кожа... просто нежный шёлк – ванильно-карамельный аромат. И волосы, как ласковое море

на закате, спадали чуть волнистым ровным чёрным блеском немного ниже плеч. Но главное – глаза! Большие, ясные, как Солнце на восходе в нити горизонта. И если она смотрит на тебя – ты чувствуешь, что это Жизнь бросает тебе вызов! И всё же, в них была своя печаль, – какая-то глубинная тоска – она её скрывала, как могла, и у неё это отлично получалось – никто не замечал, кроме меня... К тому моменту я уже успел проникнуть в её душу, и отыскал там сокровенную жемчужину – тот ПервоЦентр ПервоСути самых сильных её чувств. Тем временем чета Манеджи вместе с Мирко активно обсуждали планы на грядущий отпуск. Варианты разные звучали, но Лаура на них никак не отвечала. Ей было будто всё равно. Да и вообще она держалась отстранённо, всем видом выражая: «Я чужая здесь, увы». В её позиции читалась безысходность, как если бы вулкан накрыть другой горой. Огромный мир в её душе искал пути к свободе, но в голове жил страх оставить ненавистный ей комфорт, навязанный семьёй Манеджи.

– И что мешало ей решиться на свободу? – проникся состраданием Томазо.

– Не так всё однозначно в этом мире, как нам хотелось бы порой, – в задумчивости отвечал Адам, при этом дерзко обогнав на светофоре какой-то слишком медленный Сауеппе, – Хотя, по сути, всё предельно просто! Желаете жить – решайтесь и живите! Но, чтобы жить, нужно любить! А как любить, когда все чувства сковывает страх? В итоге, ни любви тебе,

ни жизни. А чтобы страх перебороть – нужна отвага в чистом Сердце! У Лауры она была, хоть отбавляй, но в тот момент она сама в себе запуталась немного. Ей показалось, что она влюбилась в Мирко. А ты прекрасно знаешь этого засранца – трепаться он умеет лучше нас с тобою вместе взятых. К тому же, он известен и богат. А Лаура... бедняжка из другого мира – поверила и тупо повелась. Но вот теперь, когда я наблюдал за ней в кафе на Piazza Della Liberta, она как будто начинала понимать реальность – иллюзии ушли, как дивный сон. Надежды не сбылись – родился гнев в её горячем сердце, а вместе с ним колючий страх самой себя. Ну, в общем, я решил вмешаться и начал действовать, как никогда.

Сначала мы с ней встретились глазами, но я не улыбался в этот раз своей флиртующей улыбкой. Она смотрела мне в глаза, как будто что-то узнавая. На самом деле, я всего лишь отразил те чувства, которыми она жила в своей душе. Ей показалось, что она меня как будто знает, хотя узнала во мне собственное «Я». В какой-то миг её это немного напугало, и в этот миг я улыбнулся ей – она от этого лишь растерялась и сразу отвела глаза. Всё что хотел, я ей оставил. Теперь в её глазах читались мысли обо мне: «Кто он такой? Откуда я его так знаю? Наверное, мы встречались раньше. Ой, не помню. И этот взгляд – он тоже меня знает! Какой кошмар! Он видит всю меня насквозь!».

Она боялась снова посмотреть в мои глаза и начинала делать вид участия в дискуссиях семьи Манеджи. И это пред-

сказуемый манёвр. Понятно, что она боялась не меня, а только собственной неловкости в моменте. К тому же, и одет я был в тот день не по-пиратски, даже бандану с Роджером на лбу оставил, где – не помню. На мне был синий деловой костюм в полоску и белая сорочка – никаких пантов! Хотя. Запястье золотили модные часы от Vascheron(a) Constantin(a), да перстень на мизинце... и золотой мобильник «Vertu» на столе... Но это мелочи, кому они нужны. Словом, во мне она могла заметить вполне нормального мужчину. И надо было двигаться вперёд.

Я подозвал официанта, сказал сварить мне новый кофе, поднялся, снял пиджак (надел его на спинку стула), снял запонки с манжет и засучил по локоть рукава. Уселся в той же позе, вооружился ручкой, взял салфетку и начертил на ней насколько мог прилежно: «Ciao, Laura!» и ниже крупный смайлик. Послание поставил вертикально – она его мгновенно прочитала и с удивлением взглянула на меня: «Откуда Вам известно моё имя?».

Я улыбнулся ей в ответ простой естественной улыбкой и принялся писать послание второе: «Я твой хороший добрый друг, но ты меня не помнишь. Зовут меня Elmar». Здесь элементом ключевым являлось имя, что по-испански означает море (Mar), поставленное в род мужской – артикль El. Эльмар – есть море на испанском – её родном любимом языке – оно пробудит в ней воспоминания о чём-то близком, чем станет для неё живое воплощение Эльмара, сидящего так близ-

ко, даже рядом.

Глаза её как будто засияли, а уголки клубничных губ поджались в сдержанной улыбке – она скрывала от «своих» эту игру, стараясь выглядеть вполне серьёзной.

Теперь она смотрела на меня совсем иначе, с доверием в душе, но сомневаясь в мыслях: «Имя Эльмар. О, Боже, как люблю я море! Но этот внешний его облик – сущий дьявол-искуситель! Он не похож на итальянца – слишком открытое лицо. Загар – арабский, но эти волосы, сторовшие на Солнце – пепел. В хореографии манер вообще читалось что-то от Фламенко. Улыбка и бездонные глаза к тотальному доверию взывают».

Мысли её неслись сумбурно, в глазах интрига – она ждала чего-то дальше. И я склонился над салфеткой номер три: «Я вижу, что творится в твоём Сердце, и именно поэтому пришёл. Я знаю, ты не веришь в чудеса, и я, поверь, совсем не чудо. Не верь ни мне и никому другому! Доверься только собственной душе».

В глазах её родился трепет, я взялся за четвёртую... и пятую салфетку: «Судьба твоя упёрлась в перекрёсток. И жизнь теперь – Песочные Часы: две чаши из стекла, запаянные в символ “бесконечность”... И ты – прекрасная живая роза – совсем одна среди жестоких дюн чужой пустыни в верхней чаше... за стеклом. Иллюзии разносятся ветрами – песок стремительно уходит... и в нижней чаше образуется гора. Соединяющая чашу горловина – беспощадна – она убьёт

тебя, когда закончится песок. Но ты её не видишь – не знаешь, сколько времени-песка осталось под ногами... Не жди и не надейся! Разбей стекло! Освободись для жизни! В привычных дюнах пусть тепло, но в золотых песках не вырастить цветов...».

Она как будто замерла – мурашками покрылись руки. Она смотрела мне в глаза, отчаянно ища ответа.

О, Боги! Я влюбился! И нет пути назад – над следующей салфеткой я склонился: «Сейчас я встану и уйду. И я зову тебя с собою. Доверься мне! Стекло часов уже разбито...».

Глаза в глаза – невидимый тростник среди бушующих стихий Вселенной. В моих глазах она искала силу. В её глазах я пробуждал решимость. И было слышно, как бунтует её Сердце – душа и разум слились в битве огненных противоречий...

И, не сводя с неё уверенного взгляда, я осторожно встал из-за стола, забрал пиджак и медленно пошёл к своей машине.

Салфетки оставались на столе. И в этом для неё был выбор: оставить себе память о не сбывшейся любви или без памяти влюбиться в неизвестность...

На полпути меня узнал синьор Манеджи, но, слава Богу, даже виду не подал, хотя заметил – что-то здесь неладно – на Лауру тревожно посмотрел. Она же не сводила с меня глаз, не слыша больше даже Мирко – он обратился к ней с вопросом и сразу обернулся на меня. Конечно, он меня узнал, но

даже встать не соизволил. Мне было вовсе наплевать – я просто шёл к своей машине.

Завёл мотор и задним ходом вывернул с парковки, остановившись на проезжей полосе – за мной немедленно скопилась пробка. А Лаура смотрела на меня не шевелясь и не моргая, боль прорастающей потери в своём Сердце ощущая. Я чувствовал её смятение той же болью, но продолжал смотреть в её глаза достойно. Машины позади давай всюю клаксонить, а я пытался её взглядом успокоить. Душою она вся была со мной, но в мозг вцепился тот, другой – засранец Мирко взял её за плечи и начал что-то грубо объяснять: он тыкал в мою сторону перстами, сей жест сопровождая красными очами, какие-то словечки на повышенных кричал – меня, похоже, грязным матом покрывал. А Лаура сидела и молчала: «Не уходи!» – глазами мне кричала. Дверь пассажирскую я настежь распахнул и Лауре многозначительно кивнул, мол, не волнуйся, я с тобой и уважаю выбор твой...

Заметив это, в роль вошёл синьор Манеджи, и начал меня жестом прогонять. От этого вся драма усложнялась. Я вышел из машины, думал, что вмещаюсь. Но тут жена Манеджи, желая поддержать сыночка, на Лауру вульгарно покатила бочку. И Лауру от этого прорвало, понесло. Она, как дикая пантера, тихо встала: «Allora, basta!» – повелительно сказала и, дав пощёчину Миркуччо, к моей машине подбежала: «Не понимаю, что со мной, но я хочу уйти с тобой...» – дрожащим голосом она мне прошептала, и я в машину её молча усадил,

бесшумно дверь за ней закрыл, за руль моментом заскочил, акселератор в пол вдавил... И мы сорвались в неизвестность – свободой ублажать беспечность.

Глава II. Искусство быть

– Вот это да! – не выдержал Томазо, от удивления мотая головой.

– Но ты дослушай, это лишь начало! – Адам запил чудесным «Chivas», готовясь «закусить» сигарным дымом. Они проехали огни своей любимой «Твиги», где полным ходом развивалось клубное «Бум-бум», – И постарайся не забыть, ради чего я всё это вещаю.

– Да-да, я помню! Ключевое Слово. Какой-то Образ, объясняющий Любовь, – сосредоточенно кивнул Томазо.

– Молодец! – Адам откинулся на спинку кресла, придерживая руль одной своей рукой с зажатой между пальцами сигарой, облокотившись правым локтем на мягкий подлокотник, держа в ладони свой увесистый стакан, небрежным жестом намекая другу, мол, давай, налей ещё немного.

В душе Адама полыхали смешанные чувства, навеянные яркими, как свет от пролетающих мимо фонарей, картинками его воспоминаний.

– Давай, рассказывай, что дальше! – Томазо булькнул пару капель виски в пустой стакан Адама.

– Лаура... – вздохнул Адам, – она сидела, где и ты, на этом самом месте, и молча всматривалась в контуры заката. Мы выехали за «Firenze-Nord» и двигались уже по автостраде. Внезапно зазвонил мой золотой мобильник – си-

ньор Морено, так и не дождавшись нашей встречи, решил напомнить о себе. Пришлось переназначиться на следующее «как-нибудь»: «Прошу прощения, синьор Морено. Возникли неотложные дела...», – ответил я по телефону размеренно-спокойным низким тембром, давая Лауре возможность вслушаться в меня, – «Да-да, я понимаю...», – отзывался я на реплики Морено, – «Уладим это через месяц... Нет-нет, никак не раньше! Причина в неотложности моих смертельно важных дел!» – я улыбнулся Лауре – она смотрела на меня – и, задорно подмигнув, продолжил диалог с Морено, – «Увидимся, когда увидимся. Приятного Вам вечера, синьор Морено!» – и, отключившись, положил мобильник в подлокотник.

Лаура сидела и молчала, лишь изредка украдкой поглядывая на меня.

«Santa Maria!» – вдруг воскликнула она, – «Что я творю! Не понимаю...».

«Ты просто чудо! Всё в порядке!» – спокойно улыбнулся я, – «Ты сделала всё правильно, поверь мне!».

«Но, что я сделала, Эльмар!» – она поправила причёску, – «И почему я так легко ушла с тобой? Ведь, я тебя совсем не знаю... Что скажут обо мне мои подруги...».

«Сегодня, милая, ты совершила подвиг! Ты воскресила в своём сердце давно забытую отвагу... и поборола страх... решилась на свободу! Не каждый из мужчин способен на такое. Но ты смогла! И этим обратила на себя внимание Самой

Фортуны! Я познакомлю тебя с нею завтра...», – тут я изобразил загадочный прищур – «Фортуна помогает только тем, кто знает, что такое Риск!».

«И что такое Риск?».

«О-о-о! Риски – это инструменты сильных!».

«Но я рискнула всем, что было в моей жизни до тебя...».

«А значит, слабостям нет места! Почувствуй силу! Она вся в тебе!».

«Но неизвестность... Она меня пугает...».

«А это зря! Ведь, в ней вся Жизнь! Её любить, а не бояться надо!».

В её глазах возник вопрос, и я решил иначе объяснить. А чтобы фон располагающий создать, я зарядил CD с «Flamenco» – редчайший диск, мне подарил его Риккардо из Мадрида – продюсерский талант от Бога. Он двигал в своё время Gipsy Kings и три десятка прочих любимчиков испанского народа.

Ритмы «Flamenco» ворвались в салон автомобиля азартным переливом звонких струн гитар испанских. Я лишь чуть-чуть убавил звук и вновь заговорил.

«Скажи мне, Лаура, откуда в этом мире столько душ несчастных?».

«Тут, знаешь ли, кому как повезёт...», – ответила она на автомате.

Голос её звучал уже спокойно. Божественно красивый голос! Предельно женственный, заботливый и нежный, местами сдержанный, восторженный, спокойный, уверенный в себе, а иногда смущённый. И интонация, акценты в суть, дыхание в полёте, перепады выше, ниже. И в этом отражался её острый ум. Она действительно умна и интересна, что редкость в сочетании с её же красотой – Синьора с большой буквы, нечего сказать.

«Кому как повезёт...», – я аж задумался на целую секунду, – «Мне кажется, тут дело вовсе не в везенье, а в уменье жить. Вот, посмотри. Все жаждут счастья для себя, но как они к нему стремятся, а главное, к чему, на самом деле? Все ищут для себя стабильности, комфорта, уверенности в будущем своём. Но в жизни всё не так! Там, где стабильность, там же и покой. И люди чувствуют себя спокойно. Но всё это иллюзия, самообман! Покой. Представь себе покой душевный в абсолюте, и как в нём могут жить все те, кто ищет счастье. Покой. Покой-ники с-покой-но полагают, что живут, когда, в действительности, все давно мертвы. Там, где покой, там смерть и неготовность к жизни, ведь, жизнь всегда нова! В ней время не стоит на месте; в ней всё всегда и вечно с-нова об-нов-ляется. Приходит нов-ый день, в нём с-нова всходит Солнце, и нов-ые события грядут. И каждый нов-ый миг по сути уникален! И повторить или вернуть его никто не смо-

жет! Но те, кто, типа, ищет счастье, цепляются за прошлое своё, за тот прекрасный миг, когда им БЫЛО хорошо, которого уже и нет давно, ибо вся жизнь есть только в НАСТОЯЩЕМ! Но люди не желают перемен, надеются на старые привычки, боятся потерять их, погружаясь в чувство страха. А жизнь давно вперёд ушла – надежды быстро умирают, хоть и считается, что после человека, и в людях возникает гнев. Откуда возникает гнев? От всех несбывшихся надежд! Иного нет. И страх не позволяет им избавиться от гнева! Так возникают муки и несчастья...».

«Ты так легко об этом говоришь, как будто бы познал рецепты счастья».

«Рецепт простой, на самом деле, и заключается всего-то в трёх словах: “Amore”, “Gidia” и “Felicita’”. Чтобы любить – причины не нужны! К тому же, вся любовь возможна только в настоящем. Когда ты любишь, страхи умирают. И неизбежно возникает радость бытия. Любовь плюс Радость – вот и Счастье!» – я фразу завершил естественной улыбкой.

«В теории звучит всё просто...», – скептически заметила она.

«Ну, а на практике – ещё намного проще! Всё дело в том, чего и как ты хочешь! И здесь опасная ловушка-перекрёсток: можно хотеть ИМЕТЬ что-либо; или хотеть всецело БЫТЬ. Задумайся над тем, как люди формулируют желания свои: хочу иметь друзей, но не хочу быть другом; хочу иметь жену, но не хочу быть мужем; хочу иметь детей, но не хочу быть

матерью-отцом. Ты чувствуешь, в чём разница? Это касается любых аспектов жизни: хочу иметь всё сразу, но не хочу быть тем-то или тем-то. Здесь слово «БЫТЬ» – синоним времени и только в настоящем. Слово «ИМЕТЬ» относится к пространству. Кто копит скорбь, тому скорбеть. Пространство бесконечно – не объять! Но ВРЕМЯ ВЕЧНО В НАСТОЯЩЕМ. Кто ищет опыт БЫТЬ – тому и ВРЕМЯ в НАСТОЯЩЕМ, в тотальном эпицентре жизни! В этом Счастье!».

«Выходит, если следовать теории твоей», – она кокетливо крутила прядь волос, – «НАДО ЛЮБИТЬ ВСЕЦЕЛО БЫТЬ! А дальше... Ты предложишь мне влюбиться в неизвестность, то есть в жизнь?».

«Ну, я-то, ведь, в тебя влюбился! Или ещё не говорил?».

Она так искренне и звонко рассмеялась, что и «Flamenco» вдруг куда-то затерялось.

«Так, значит, ты в меня влюбился?», – она смотрела на меня, – «Что значит... Я есть жизнь твоя?».

«Да, ты права, я предан только Жизни! Ну, и немного Смерти».

«Я начинаю понимать...», – она всё улыбалась, – «И Жизнь, и Смерть – твои подружки!...».

«Ну... Не совсем, чтобы подружки... Я, как бы, Смерти с Жизнью изменяю...».

«Жизнь есть Любовница твоя?».

«Pròprio così, amore mio! И если Смерть застучает меня за этим делом, то и с любовницей прервётся связь моя...».

«Какой же ты бессовестный изменник!».

«А как иначе, если Смерть сама оставила меня... на время...», – и я пожал плечами.

«Ты знаешь, а мне нравится вся эта философия твоя! Вот только рассуждать тебе легко, ведь у тебя всё есть и нечего бояться...», – она изящно вскинула руками, сопровождая их глазами – ну просто освятила весь мой храм любви на четырёх колёсах.

«Я всё это терял неоднократно... И снова находил. И даже, если завтра я останусь снова без штанов, поверь, я не расстроюсь ни на йоту! Ибо, всё это, что находится вокруг меня, что у меня есть, а также, чего нет – лишь маленькая толика того, что есть внутри меня, в моём огромном мире. То, что внутри, то и снаружи – простое отражение во вне, в пределы брэнного пространства...».

«Брэнного пространства?» – не поняла она.

«Ну... Это трудно объяснить...».

«А ты попробуй».

«Пространство слишком примитивно и познаётся лишь пятью простыми органами чувств. И строить свою жизнь вокруг процессов улаженья этих чувств... ну... как-то слишком скучно...».

«И что?» – ей не терпелось продолженья.

«И... Большую часть времени я провожу внутри моей Вселенной, среди Галактик миллионов разных чувств. И вы-

лезая в этот мир, когда хочу примерить некий образ...».

«Ты просто Дьявол... Или Бог?».

«Поверь, ничем не отличаюсь от тебя! Ведь, и в тебе есть свой красивый мир! Я его видел, он прекрасен!».

«Он ужасен! Ведь, я сама не знаю, кто я есть, чего хочу...».

«Нет-нет! Теперь ты точно это знаешь, но по привычке хочешь отрицать саму себя. Сегодня ты устала, надо отдохнуть. Но завтра ты увидишь, что я прав...».

– И что потом? – опять не выдержал Томазо, когда Адам внезапно замолчал, чтобы понять, куда же ехать дальше. Они подъехали к отелю «Principe di Piemonte» в Viareggio и если ехать дальше, то, наверное, только в порт. А что там делать в это время? По ходу, надо развернуться.

– Давай ещё немного виски! – Адам потряс пустой стакан.

– Давай же, Адам, не томи! – он вновь наполнил два стакана, включая свой, и закурил.

– А дальше... – продолжал Адам, – Мы углубились в ночь почти пустой дороги, проехав указатель «Ventimiglia». Луна и звёзды, тайна мрака и скорость в неизвестные мечты. Прерывный гул мотора под сиплый шёпот ветра сквозь щёлку приоткрытого окна – в ней исчезали нити дыма от тлеющей в моей руке сигары. Я поменял CD – в салоне зазвучал Chris Rea.

Лаура смотрела на меня – я объяснял ей неизбежность счастья в синхронизации простого БЫТЬ-и-я с порывами

неистовых желаний – она завороженно слушала меня. Я осторожно подбирал слова, дабы усилить в ней решительность для жизни, наполненной непредсказуемостью в каждом миге.

Только к полуночи мы въехали в Монако. По серпантину горных трасс спустились в центр Монте-Карло. Ночная жизнь всецело достигала апогея. Вся Площадь «Casino», под светом фонарей вокруг центральной клумбы с цветами и флагштоками на ней, была заставлена роскошными авто. Народу было необычно много, как накануне «Formula-1» – изысканная публика в богатых туалетах манерно пропадала в Казино – его волшебные фасады в образах Вароссо мистически-магично проявлялись в вальсе ультра-фиолетово-неоновых огней, что отражались лучезарно-ярим блеском в бриллиантовых колье на притягательном загаре «декольте», затянутых в струящиеся, словно водопады, вечерние наряды женщин – в порывах ветра с ароматами цветов и моря преобладала классика «Chanel № 5» – стук шпилек о начищенный с шампунем тротуар надменно добавлял азарта в сознание одетых в смокинги месье – их ревность к спутницам своим уже высокомерно завывала будущие ставки на предстоящих играх за рулеткой и в «Black-Jack».

В кафе же «De Paris» при ярком свете сидели дамы, господа попроще – их мелкие, но громкие пары, вносили шум на площадь.

Конечно, можно было бы куда-нибудь пойти, но Лаура бы-

ла утомлена дорогой, потрясена событиями дня и без какого-либо гардероба, а бутики закрыты уж давно.

Оставив Bentley подбежавшему швейцару, мы поднялись в мой люкс отеля «De Paris». Я позвонил в Room Service и заказал каких-то сэндвичей, да сок – мы были голодны немножко.

Лаура ушла под свежий душ, а я залез в другую ванну. Когда вернулся, то застал её в гостиной – она, в халатике, спала, калачиком свернувшись на диване. Я аккуратно взял её на руки и медленно понёс в одну из спален. Она обвила мою шею тёплыми руками и подарила нежный в щёку поцелуй. Я положил её в кровать, накрыл тихонько одеялом, задёрнул шторы, погасил ночник, и тихо удалился во вторую спальню, где и уснул, совсем забыв про свой заказ в Room Service.

– Но, почему в отель, а не к тебе на виллу? – никак не мог понять Томазо.

– Ну... Как ты успел заметить, она была без багажа, а бутики все около отеля, – спокойно пояснил Адам, – И эту маленькую трудность с гардеробом нам предстояло устранить наутро.

– Логично, чёрт тебя возьми! А я подумал, ты решил прикинуться ничтожным нищевродом. Ну, ладно, продолжай!

– А утром я поднялся в полседьмого, – рассказывал Адам, – Умылся, принял душ, побрился, натянул халат и вышел на террасу окончательно проснуться. Слепящие лучи восхода напомнили мне Лауры огромные и добрые глаза, –

я сразу пробудился. Небесный бесконечно голубой и чистый купол ласкал лазурную гладь моря в бликах солнца где-то там, за нитью горизонта. Еле заметный свежий ветер принёс мне с моря восхитительные вести о солнечной погоде на день. Склоны высоких гор левее, от самого отеля «Vista» на вершине, и до самых оснований над крышами ближайших зданий, пестрели бурной зеленью и контурами вилл. Откуда-то был слышен щебет птиц, и настроение заметно повышалось. Вся Площадь «Casino» была уже или ещё пуста и заново сияла блеском – одни швейцары домывали тротуары, другие – поливали клумбы, а третьи – протирали стёкла дорогих авто, стоявших в ряд вокруг центральной клумбы и вдоль фасада Казино, с той стороны от входа. Журчание воды из шлангов смешалось с запахом цветов и птичьей трелью.

В Порту ещё никто даже не думал просыпаться – шеренги белых кораблей томились в ожидании насыщенных событий. Я позвонил Роберто-капитану и приказал к полудню подготовить яхту, отдельно разъяснив состав меню и карту вин. Уединиться с Лаурой возможно было только в море, ведь, в Монте-Карло мне не избежать навязчивых знакомых да друзей.

Лаура ещё спала – я подсмотрел в открытую дверь спальни. Её лицо, *da vero*, излучало неземную красоту – о (!) достояние и ревность всех Богов!

Ещё немного постояв в задумчивости о своём, я написал

записку, приставив её к вазе на столе в гостиной, а сам переделся и пошёл в спортзал. Отзанимавшись на снарядах, проплыв в бассейне сотню метров, засев за столиком с бокалом фрэша, я обзвонил своих секретарей, по-быстрому оставил поручения по всем делам текущим и, что-то напевая сам себе под нос, вернулся в люкс.

Часы показывали девять, а Лаура ещё спала. Я позвонил в Room Service и приказал убрать из номера не съеденный вчера заказ и принести побольше разных фрэшей, круассанов, джемов, сливочного масла, капучино, свежих фруктов и воды. Закончив с этим, подошёл к витрине и отыскал необходимый мне CD – один из сборников от Barry White – засунул в музыкальный центр – пространство утонуло в звуках композиции Slow Jams (Feat Baby Bash). Раздёрнул шторы – спальня залилась лучами Солнца – и начал аккуратно Лауру будить, присев на краешек её постели. И это нежное создание открыло глазки...

«Привет, Эльмар...», – она мне улыбнулась, затем неторопливо сладко потянулась и почему-то спрятала лицо под одеялом.

«Доброе утро, синьорина!», – я приоткрыл её лицо и улыбнулся, – «Жду тебя в гостиной».

– Позавтракав, как следует, шутя, смеясь, друг другом наслаждаясь, мы не спеша отправились по бутикам, забрав с собой швейцара из отеля – уже к двенадцати часам он был обвешан дюжиной пакетов. Проблема с гардеробом Лауры

была закрыта дня на три вперёд.

Пока она в отеле наряжалась для морской прогулки, я навестил любимый свой бутик – благо, он был через дорогу. Купил для Лауры хорошенький подарок, проверенный в делах любовных много раз – от «Van Cleef» бриллиантовый наборчик «Cosmos»: кольцо, браслет и серьги. Отдельно взял кольцо, на всякий случай. В общем, к её вечернему наряду всё это точно подойдёт! А главное – обрадует, возможно...

Примерно в пол второго мы спустились в Порт и поднялись на яхту – мой «Azimut», сто восемь футов, блистал во всей своей красе. И Лаура была в восторге! И знаешь... Чем дальше я её любил, тем больше мне хотелось отдавать ей всё! Неважно было, если между нами что-то будет или нет... Неважно, с чем останусь я потом... Мне просто нравилось быть рядом с ней и любоваться каждым её жестом. Мне нравились её улыбка, звонкий смех и каждый раз восторженный и изумлённый блеск в её глазах...

Глава III. Ролевые игры

– Да ты с ума сошёл, Адам! – Томазо вдруг всплеснул руками, чуть было ни разбрызгав «Chivas» по салону.

– О! Как я хотел сойти с ума и оставаться рядом с нею самым сумасшедшим! – Адам вальяжно, безразлично продолжал рулить по узким улочкам ночного Viareggio.

– Рассказывай, что было дальше.

– А дальше..., – вспоминал Адам, – Мы вышли в море. И пылало Солнце. Было жарко. Официанты нам накрыли на корме. Меню морское, свежие закуски: креветки, устрицы, карпаччо из тунца, за ними лангустины, осминожки, гребешки, улитки в соусе... И всё это под белое холодное вино.

Мы разместились за столом на белых кожаных диванах, предусмотрительно покрытых тонким хлопковым сукном. Она была одета по-морскому: в коротких белых шортах с синим ремешком, изящный белый топик, оголявший её бронзовый животик и синие сандалии с греческим акцентом.

Она была напротив, я смотрел в её огромные глаза, она от этого как будто бы смущалась. И, мал по малу, завязался разговор.

«Сними эти ужасные очки», – она смягчила просьбу интонацией по-детски, – «Я глаз твоих не вижу, где они?».

Я подчинился – снял солнцезащитные очки с обтянутыми золотой оправой линзами бордового оттенка и отложил

их в центр стола. А вот снимать с себя бордовую пиратскую бандану с Весёлым Роджером на лбу я отказался напрочь! К тому же, тот же славный Символ моей жизни красовался на флагштоке яхты – ему я изменить никак не мог, даже когда того хотели всякие патрульные суда окрестных вод, не замечая на другом флагштоке полотнищ Франции и «Остров Мен».

С трудом оставшись при своей бандане, в белой рубашке, белых брюках с поясом бордовым и бордовых мокасынах, я поспешил разлить вино и двинул тост за радость жизни!

«Вчера весь вечер я был слишком разговорчив», – начал я, – «И ты узнала обо мне довольно много. Сегодня очередь твоя...».

«Да, вчера я много нового открыла для себя, но о тебе самом не слышала ни слова. Меня не проведёшь», – она заулыбалась, – «Давай, рассказывай! Но только правду! Не обманывай меня...».

«Ну... Спрашивай, и я отвечу».

«Скажи мне, как тебя зовут?» – в её глазах прищур был хитрый.

«Меня зовут Эльмар, ты знаешь...».

«Эльмар... Мне нравится, звучит красиво, но имя настоящее... Какое?».

«Ты хочешь знать то имя, что мне дали при рождении на свет? Но... Почему ты думаешь, что это имя настоящее для человека? Лишь потому, что кто-то, но не ты, вписал его в

твой паспорт? Пойми... Всё настоящее есть то, что ты душою ощущаешь! Рядом с тобою я Эльмар! И это имя только для тебя! С тобой я чувствую себя Эльмаром. И это искренне тотально! По-настоящему и честно до конца! Ты понимаешь?».

«Не совсем...», – она всё поняла, но ей хотелось слушать дальше.

«То имя, что мы слышим от рождения на свет, дают нам папа с мамой – по-настоящему дают, но только для себя. Они так чувствуют, так понимают только собственный порыв отдать тебе то лучшее, что кажется им лучшим для тебя. Но то, что есть в тебе самом, порой не совпадает с чьим-то настоящим, особенно, когда ты жаждешь БЫТЬ по жизни, вкушая опыт разных ситуаций и событий, которые ты создаёшь своей рукой. Конечно, участвуя пассивно в чьих-то жизнях, всё это становится не важным. Но! Беря контроль над жизнью в собственные руки, ты хочешь каждый раз примерить новый Образ, и подбираешь для него то имя, которое ты чувствуешь в себе... Вот, например, вчера, когда я первый раз тебя увидел – да, я влюбился, это – не секрет – мне захотелось, чтобы ты была со мною рядом, и я представился Эльмаром. И это – не обман, наоборот! Я этим именем называл те искренние чувства, что взорвались во мне благодаря тебе! И только потому, что эти чувства зазвучали в унисон Эльмару, ты обратила на меня внимание своё. Скажи теперь, случилось бы всё это, что случилось, если б я представился... ну,

скажем, Алекс?»), – и это было «настоящим» именем моим.

«Алекс?» – поморщилась она, – «Тебе это имя не подходит!».

«И это верно! Оно не совпадает с чувствами, что я к тебе питаю. В несоответствии букета чувств и слов и заключается обман! Неверно подбирая чувствам имена, мы и обманываем, как самих себя, так и всех тех, кому их адресуем. Быть честным и правдивым до конца – значит, уметь синхронизировать все чувства и слова от самого начала БЫТЬ-и-я. Имя Эльмар правдиво отражает мои чувства, а значит – настоящее с начала до конца! Имя Эльмар – это моё послание к тебе, в котором зашифровано моё желание отдать все эти сказочные чувства лишь тебе! Тебе одной! И ты услышала меня и приняла. И в этом подтверждение того, что люди меж собой общаются в невидимом пространстве чистых чувств. А слово... Оно не для общения совсем! Оно возникло для иных задач и целей человека – для диалога с грубыми стихиями проявленных пространств (Воздух, Огонь, Вода, Земля), чьи звуки, формы и цвета, а также запахи и вкусы, и ощущения касаний подчинены всецело Слову и продолжают в Эфире – пятом, то есть первом, изначальном, грубом элементе... Но... Эта тема долгая, не для сегодняшнего дня. Вернёмся к нам. Теперь ты понимаешь, что имя настоящее (!) моё, Эльмар, звучит лишь для тебя одной!».

«Но, как же быть самим собой?» – теперь она действительно не понимала.

«Пойми, ты говоришь сейчас о том одном из образов “как быть самим собой” в контексте чьих-то ожиданий, представлений о тебе. И чтобы соответствовать им в полной мере, тебе приходится всё время отрицать саму себя. Ты хочешь БЫТЬ с оглядкой на кого-то? Ты это можешь, без проблем. Но что при этом происходит в твоём Сердце? Там ураган кривых противоречий и миллион навязанных тебе ограничений. В итоге, ты не можешь просто БЫТЬ, ибо вся Суть твоя нацелена на поиск компромиссов. Но эти компромиссы тебе вовсе не нужны! Они нужны для оправданий перед кем-то, кто хочет то, чего не хочешь ты. Всё это – правила чужие. Отбрось их, выкинь и забудь! Ведь БЫТЬ всегда самой собой намного лучше. Здесь главное не упустить момент – тот самый миг, что существует только в настоящем – в тотальном эпицентре жизни – здесь и сейчас! Просто прислушайся к своим же чувствам – в них настоящее! Иного нет! Теперь ты понимаешь?».

«В теории... – красиво, хоть и необычно...», – она полила соусом и поперчила устрицу во льду.

«Скорее, непривычно, но не суть. Давай простой эксперимент с тобою проведём – теорию на практику сведём – простая, но полезная игра».

«Давай!» – с азартом улыбнулась мне она.

«Сначала дам тебе задание не из приятных, но это будет важно для тебя...».

«Да, я готова! Задавай...».

«О-кей. Закрой глаза и воссоздай в глубинах своих чувств всё то, что ты переживала рядом с Мирко», – напомнил я о том, с кем рядом мучилась она ещё вчера, – «Увидь свой Образ в ярких красках и дай ему любое имя, чтоб подходило в самый раз к тем чувствам, что в тебе кипели...».

«Да, я придумала, нашла то имя...», – ответила она спустя минуту.

«Не говори мне! Просто запиши – я угадаю, а потом мы сверим», – я протянул ей карандаш с салфеткой.

Глаза её наполнились святой печалью, но всё же она что-то записала на салфетке и вопросительно взглянула на меня.

«Мария...», – сразу же ответил я, не отрывая взгляд от тут же удивлённых её глаз.

Мученица Мария – прямо в точку!

«Ты что! Читаешь мои мысли?» – воскликнула она.

«Нет, я просто знаю настоящую тебя и вижу мир, который есть внутри тебя...», – я улыбнулся и продолжил, – «Теперь задание второе. Ты готова?».

«Готова! Начинай!».

«О-кей. Теперь же сконцентрируйся на настоящем. Пока глаза не закрывай. И просто следуй за моею речью. Итак, сейчас ты здесь, на этой белой яхте среди лазурной яркой глади большого солнечного моря. Смотри, вон там ещё две яхты по течению дрейфуют так же, как и мы, а там, смотри, чуть-чуть левее, какой-то парусник уходит в горизонт. А справа, там, за белой пеной всяких лодок, берег Монте-Карло – ли-

нии фасадов разных зданий утопают в бликах Солнца – одно из самых тёплых и волшебных мест Планеты. Перед тобой сидит Эльмар, которого ты знаешь так, как знаешь. Перед тобой целый мир, а в ожидании – прекрасный вечер... Теперь закрой глаза и отыщи в себе тот Образ, в котором ты желаешь БЫТЬ. Увидь свой Образ в самых чистых чувствах и дай ему красивейшее имя, вложив в него всё сокровенное своё...».

Теперь глаза её блестели жизнью. Я дал ей чистую салфетку, и Лаура вписала имя.

«Давай, отгадывай!», – она покусывала губы в сдержанной улыбке, глаза её горели нетерпением.

«Бонжур, мадмуазель Элизабет!» – с улыбкой, нараспев ответил я, продлив акцент изящным жестом.

«Ай!» – вскрикнула она, – «Не может быть! Но как ты это делаешь? Скажи мне!»

«Давай, показывай салфетку!» – хотел по-честному закончить я игру.

Она смеялась и шутила, никак не веря в то, что происходит. Я ей подыгрывал, и мы смеялись вместе, неспешно продолжая дегустировать изысканные яства и прохладное вино. Теперь я называл её Элизабет – ей это нравилось, а мне вдвойне. Я видел в ней ту радость и азарт, которых мне давно недоставало.

«Мне нравится, Эльмар, всё то, что с нами происходит», –

призналась мне она с сомнением в глазах, – «Но... Все эти ролевые игры... Они, ведь, ненадолго...».

«С чего же ты взяла, что ненадолго? И что тогда, по-твоему, надолго?».

«Не знаю... Всё хорошее... не вечно!».

«О, милая моя! Ничто не вечно, это факт, но если будешь ты об этом думать, то потеряешь связь со всем, что есть сейчас! А ролевые игры... Вся жизнь – игра на сцене театра, и мы – актёры в ней, и это неизбежно. Просто подумай, сколько у тебя ролей по жизни, которые играешь ты по чьей-то воле, но не по своей... Роль милой девушки, роль дочери, подруги, матери, жены... Этих ролей безумно много! Которые из них тебе близки, которые из них тебе противны – решать тебе, в каких из них вершить свою судьбу. Но помни, время не стоит на месте – оно уйдёт, останется лишь опыт, который может быть печальным, а может быть красивым до безумства! Здесь всё зависит только от тебя! Если ты хочешь эту роль, которую нашла себе сегодня в образе своём “Элизабет” – бери её, играй и оставайся настоящей до последней капли чувства, что горит в твоей душе неистовым естественным огнём! Не бойся быть спонтанной. Просто БУДЬ! И БУДЬ честна перед самой собой! Тогда и я тебя любить не перестану. Ведь наши души не обманешь – они не терпят фальши! А настоящее – его бездумно осуждают люди – оно и есть Суть БЫТЬ-и-я. Оно не поддаётся писаным законам человека, оно всегда «преступник» в этом мире, поэтому бывает

страшно иногда. Но страх уйдёт, когда ты влюбишься всецело в неизвестность, отождествляя себя с чувствами души, объединяя их в единый Образ – не останавливайся в жизни никогда! Пространство иллюзорно – всё есть не то, чем кажется – познай!...».

Я продолжал ей объяснять всё то, чего ей не хватало для решительности БЫТЬ, описывая ей привычный мир совсем другими взглядами на жизнь, показывая безграничность мыслей, которыми определяются границы жизни... Она мгновенно проникала в суть, хоть и вопросов становилось больше...

Закончив трапезу глоточком «Limoncello», я ей провёл экскурсию по яхте, открыв все помещения, включая Мостик Капитана, дав подержаться за штурвал – Роберто (капитан) прибавил ходу – она зигзагом отрулила к нити горизонта. Весь Монте-Карло, Сен-Жан-Кап-Ферра и далее, почти до самой Ниццы – всё превратилось в контуры скалистых берегов, еле видневшихся сквозь дымку жарких испарений от воды. Затем Роберто выключил моторы и... тишина на много миль вокруг. Лишь плеск воды о борт и вскрики редких чаек. Весь купол неба был пречисто голубым, а Солнце высоко сияло бело-золотым. Жара достигла апогея, и мы ушли ко мне в прохладную каюту немного отдохнуть и подремать.

Все интерьеры яхты были сделаны по эксклюзивному дизайн-проекту – со всех сторон сплошной Ампи́р. Элизабет, хоть и была уже не Лаурой совсем, всё время находила по-

вод для восторженного «Ах! Какая прелесть!». Я обожал её непринуждённость, лёгкость и естественность изысканных, но сдержанных манер в прямой и гордой как скала осанке. В ней было что-то от аристократки и что-то от девчонки с городских трущоб. И в этом синтезе полярностей далёких рождалось что-то новое, чего я в женщинах ещё не знал.

Элизабет ходила по каюте и всматривалась в яркие сюжеты многочисленных картин. Она была удивлена такому изобилию пиратских элементов во всём убранстве моей яхты. Ей нравилось всё больше погружаться в атмосферу бороздящих океаны пиратских кораблей эпохи восемнадцатого века.

Стянув с настенной декорации отреставрированный мастером мушкет, она играючи направила его в меня, почти в упор, изобразив стремительное па:

«Сдавайся! Последний пират Средиземного моря!», – с торжественностью в звонком голосе, Элизабет свела в суровом взгляде брови и сразу улыбнулась.

В ответ я сделал шаг навстречу, упёрся грудью в дуло пистолета и улыбнувшись заявил:

«Сдаваться просто так, не отыграв войны? Совсем не по-пиратски! Я сдамся только в руки Смерти! О, если бы Её глаза были похожи на твои...».

«Ну и в какие войны ты играешь? Какие корабли захватываешь-грабишь?».

«О-о-о!...», – воскликнул я протяжно, – «Это моя люби-

мая игра! Я ухожу в моря Сардинии – обычно на закате мая, буквально накануне карнавала в Castelsardo – дрейфую где-нибудь поблизости Alghero, ищу суда добытчиков кораллов и забираю их улов, обыгрывая в покер. Уже к разгару карнавала мои трюмы доверху набиты вот такой вот красочной добычей», – я показал ей ветку красного коралла, лежащую на круглом столике из бука под шапкой алых роз над белой вазой, – «И всю эту добычу я распродаю каким-нибудь японским перекупщикам-туристам, которыми кишит весь Castelsardo, и только за наличку...».

«О, мой Эльмар!» – она заворожено слушала меня, – «Я тоже бы хотела поучаствовать в такой игре...».

«Легко, моя Элизабет... Возьму тебя с собою в следующем году».

Я развалился на своём трёхместном «сексодроме», подбив под спину несколько подушек. Она, не думая, залезла рядом, прильнула головой ко мне на грудь, поёрзав плечиком, мол, обними меня, прижми к себе скорей... Всё так легко, без всяких слов, само собой – я ощутил её такой уютной и родной...

Глава IV. Море в небе. Интрига, тайна и азарт

– Ну, всё понятно! – перебил Томазо, раскуривая новую сигару, – А дальше был гремучий и безбожный секс! Она, поди, как бестия царапалась, кусалась и кричала от неистовых оргазмов, а ты – свирепый зверь – рвал и метал, рычал и извергался... Ваши тела блестели потом, а в воздухе зависли ароматы вытекающих последствий...

– Не угадал! – из лабиринтов узких улиц Viareggio Адам вернулся на широкую прямую Lungo Mare и двинулся назад в Forte-dei-Marmi. И траффик был по-прежнему активным – ночная жизнь никак не утомлялась.

– Тогда не понимаю..., – Томазо обновил стакан Адама и в свой налил ещё немного «Chivas». Дым от сигары уходил в открытое окно и растворялся в тусклом свете придорожных фонарей, что пролетали мимо, словно кадры из истории Адама.

– Нам было просто хорошо быть вместе, без всяких ожиданий чего-то друг от друга. Мы продолжали молча наслаждаться этим мигом и вскоре задремали. Не знаю, сколько времени прошло – возможно, час или чуть больше. Я пробудился от её прикосновений – её ладонь лежала на моей щеке, а пальцы щекотали у виска и ласково поглаживали бровь. Во

сне я, кажется, немного повернулся, пристроившись на левый бок. Я медленно открыл глаза – её лицо совсем напротив, близко-близко, щекой лежало на моей руке. Она смотрела на меня и улыбалась. И я ответил тем же. Она чуть-чуть пошевелилась, и кончик её носа коснулся моего, мол, просыпайся же уже! Без всяких слов и в полной тишине мы продолжали изучать друг друга, заглядывая вглубь зрачков, в рисунки ореолов вокруг них, изгиб ресниц, бровей, высматривая все мельчайшие морщинки-лучики у глаз, морщинки лба, у носа, вокруг губ и подбородка... Я открывал в ней бесконечно чистый беззащитный мир, она во мне – надёжность и защиту. Она читала мои мысли, я – её.

«Послушай, как мы дышим», – шептала она мягкими губами.

«Слышу...», – ответил я, моргнув глазами.

«Мой выдох, чтобы был твой вдох... Твой выдох – чтобы я вздохнула. Ты чувствуешь – мы дышим друг для друга», – и губы её нежные почти моих касались.

Я чувствовал цветочный запах её кожи, вдыхая его каждой порой тела своего. Но не было в ней аромата секса. Зато был трепет или даже пульс чего-то несравненно выше, что за пределами известных чувств. Мы не могли и объяснить это друг другу, но наши души знали всё без слов. Мы пропадали в неизведанной Вселенной каких-то запредельных наслаждений, сравнимых, может быть, хоть как-то отдалённо с ознобом тела при последнем выдохе перед уходом в Смерть,

когда душа щекочет кожу, покидая плоть.

Умывшись и переодевшись для купанья, мы выбежали на корму и, разбежавшись, нырнули в свежесть моря, проплыв с захода метров тридцать, кто вперёд – она была чуть-чуть быстрее, и ликовала на условном финише как настоящая пловчиха, закончив мировой финал победой. И я невольно заражался её смехом. Повсюду плеск воды и где-то крики чаек. Перевернувшись на спину, мы дрейфовали по волнам, касаясь рук друг друга. Яхта оставалась позади. Вокруг морская гладь и бесконечный купол голубого неба. Солнце сияло где-то сбоку, неспешно набирая ход к закату.

«Ты слышишь этот тёплый ветер?», – она шептала, подпевая плеску лёгких волн, – «Это друг другом дышат Небо с Морем – прямо, как мы с тобой – любят друг другом...».

«Ты – моё небо...», – отвечал я в унисон дыханию морскому.

«А ты, ElMag... Ты – моё море...», – шептала она ветром с неба.

Мы забрались на борт и, освежившись в душе на корме, расположились на диванах в главном зале яхты. Дежурный кок в пиратской униформе стоял за барной стойкой и колдовал нам сладкие коктейли в стиле «Тропикано». Я взял универсальный пульт, и в зале зазвучал парижский Lounge.

«Сегодня вечером нас ожидают в Казино», – я раскрывал ей наши планы, – «Закрытый покерный турнир. Стол “Texas hold'em”. Шесть персон. Желаеть поучаствовать, Элиз?».

«О! С удовольствием, Эльмар!» – она азартно улыбнулась.

«Ваши коктейли..., мой хозяин...», – кок выставил на стол бокалы, пытаюсь угадать глазами: “А это что ещё за имя? Какой-то вдруг Эльмар...”».

«Тогда давай потренируемся перед игрой», – с прищуром хитрым, чуть заметным, я предложил Элизабет. Она заметила мой вызов и сразу согласилась.

Я приказал собраться всей команде в главном зале и подготовить стол на шестерых персон. Дежурный юнга появился с чемоданом, и занял место Дилера – он знал, что делать. Вся моя славная «пиратская» команда прекрасно знала толк в игре – я лично их тренировал два года, с момента найма на работу – мне самому всё это помогало оставаться в должной форме, оттачивать стратегии, уловки для большой игры.

Матросы, как и пышная служанка, расселись за столом. Придвинув стул Элизабет, я разместился позади. И началась игра. И полетели карты. Послышался родной треск фишек – ставки возрастали. Я консультировал свою Элизабет, нащёптывая на ухо особые маневры, подсказывая лучшие из них. И всё как будто получалось, хотя, признаться, я не ожидал, что она знает “Texas hold'em”. Нет-нет, мои матросы никогда не поддавались – за проигрыш я сбрасывал их в море (всех, кроме пышненькой служанки) – они играли сильно, просто блеск!

А капитан тем временем, поставив скорость в пять узлов, взял курс на Монте-Карло. И в девять вечера мы заходили в

Порт, швартуясь на моём обычном месте у тесной набережной с вереницей всяких ресторанов и кафе, откуда сотни любопытных глаз туристов подглядывали жизнь иных миров.

Неспешно покидая яхту, я подозвал Роберто (капитана), шепнув ему на ухо тайный свой приказ.

Дежурная машина из Отеля «De Paris» уже ждала неподалёку.

Поднявшись в люкс, и, перед тем, как влезть под душ, я вызвал для Элизабет свою любимую и лучшую во всей округе мастера-стилиста.

Элизабет во всей своей обворожительной красе предстала предо мной в гостиной – я ждал её с бокалом виски на диване, закончив плановый обзвон секретарей. На мне был чопорный стандартный смокинг.

Она была в классическом вечернем платье, пошитом словно для неё искусным “Valentino”: светлые и мягкие тона струились шёлковым отливом, подчёркивая плавные изгибы её тела. Шпильки держали в тонусе подтянутые икры загорелых ног, скрывающихся в линиях разреза платья где-то на уровне бедра. Не расставаясь с белоснежной ласковой улыбкой, она свободно обернулась вокруг собственной оси, продемонстрировав загар на в меру оголённой спинке, тут же покрыв её полупрозрачным, прошитым золотую нитью, палантинном, что ниспадал с её округлых хрупких плеч волною переливных складок. Причёска, макияж, черты лица, огромные задорные глаза – она будила во мне искренний восторг

и сдержанную ревность (опасные эмоции перед большой игрой).

Она стояла и смотрела на меня, нетерпеливо ожидая комплименты. Я не заставил её ждать.

«О, моё Небо! Ты прекрасна! Теперь я не могу дышать тобой. Я просто задыхаюсь.», – я подошёл почти вплотную и ощутил её насыщенный цветочный аромат, – «Закрой глаза...», – шепнул я в следующий момент и обойдя вокруг неё, остановившись за спиной, украсил её шею бриллиантовым колье.

Она немного вздрогнула, вздохнула – прохладное колье чуть обожгло горячий трепет её кожи. Глаза её открылись, она, словно смущаясь, обернулась и подарила мне волшебное «Merci». В ответ я поднял кисть её руки, накрыл проникновенно-нежным поцелуем и обернул вокруг её запястья сияющий алмазными слезами тоненький браслет. Раскрыв ладонь её руки, я передал и серьги.

«Не знаю, как их надевают...», – развёл руками виновато, – «Поэтому, давай сама...».

И этим необтёсанным признанием своим я чуть было не сбил всю магию момента. Она же, просто улыбнувшись, надела серьги, глядя мне в глаза кричащим преданностью взглядом, не отводя ни на мгновение его волшебных искр счастья. Она обвила мою шею своими тонкими и тёплыми руками и продолжала мне шептать одними лишь глазами, а перед выходом воткнула мне в петличку пиджака нераспу-

стившийся бутон бордовой розы.

В холле отеля было шумно. Изысканная публика готовилась войти в ночную жизнь. На фоне многочисленных мадам в вечерних туалетах моя Элизабет смотрелась просто лучезарно.

В пляде чёрных смокингов серьёзных джентльменов было предельно трудно разобраться, кто есть кто. Все то и дело безудержно обсуждали предстоящую премьеру в «Opéra», припоминая автора известной пьесы, превознося и критикуя исполнителей ролей. Мы тоже бы сходили на спектакль, но нас тянуло предвкушение игры.

Вооружившись тонкими бокалами с «Cristal», мы погрузились в светский гул, разбавленный чуть сдержанным «хи-хи» уже весёлых дам. А вот и первые знакомые – друзья... И «Бон-суар!», «Сава туа?», «Мерси, требьян...». Немного комплиментов, быстрых сплетен. Элизабет держала меня под руку. Она была раскрепощённая и проста, доброжелательна, мила, легко поддерживала всякие беседы на любые темы, умела пошутить и посмеяться.

Часы показывали ровно полночь. Мы вышли в ночь на Площадь «Casino». Кругом движение, толпа, шум голосов, автомобили – всё это утопало в свете фонарей, а в свежем воздухе был запах моря, и в нём интрига, тайна и азарт.

Мы медленно спустились по ступеням и продвигались прямо к Казино. Швейцар открыл нам двери, и мы вошли в фойе. Шум улицы остался позади. А впереди, в полтона, те

же светские беседы и снова старые знакомые – друзья. Среди толпы было полно завсегдатаев – я знал их всех – кого в лицо, кого по именам. О бизнесе здесь мало говорили, дискуссии сводились к играм и проигранным деньгам.

«Я обещал тебе вчера», – напомнил я, – «что познакомлю с Божеством, с самой Фортуной! Знакомься, вот она, перед тобой», – я жестом показал на бронзовую статую Фортуны, – «Рог изобилия наполнен до отказа, глаза же, посмотри, завязаны повязкой...».

«Но, почему?» – спросила она шепотом, прижавшись к моему плечу.

«Считается, она слепа ко всем. Я же считаю, что ей просто пофиг на богатства – берите, кто сумеет взять, и уходите! Мне ничего от вас не надо! Всё лучшее я посвящаю вам! Возьмите, сколько сможете представить! Возьмите, сколько в силах пожелать...».

«И это ты сейчас её озвучил? Или собственную щедрость?».

«Давай-ка лучше вспомним об игре», – я щекотнул её в ребро, – «Фортуна благосклонна только к тем, кто уважает риск и помнит меру! Азарт – дело хорошее, но только лишь когда он под контролем! Иначе – это просто слабость слабых. Играем, отдыхаем и уходим среди первых. Подолгу только дураки сидят. Но Первые – следов не оставляют! У нас с тобой назначен лишь один турнир. Потом начнутся соблазнения продолжить дальше».

«Не беспокойся! Я тебя остановлю!».

«Ах, вот как! Ну, пойдём, посмотрим, кто кого...».

В главном зале Казино вовсю кипела жизнь. Народ метался от стола к столу, играя, кто в «Black Jack», кто на рулетке, кто... Треск фишек отовсюду, шёпотом «бла-бла». Глаза, куда ни посмотри, наполнены надеждой и азартом, как всегда. Дресс-код не действовал на этот зал – демократичные наряды, джинсы, блузки, кофточки, рубахи, мятые костюмы – сюрреализм, да пёстрые цвета и смесь всех стилей – от классики до писка актуальной моды.

Мы продвигались дальше. В одной из отдалённых комнат нас ждали остальные игроки – одни сидели за столом и что-то обсуждали, другие медленно ходили взад-вперёд.

«Э, бон-суар, мадам, месье...», – я поздоровался с порога.

Зелёный стол для «Texas hold'em» был готов на шесть персон, как обещали. К нам подошёл галантный менеджер, осыпал комплиментами Элизабет. Я протянул ему свой чек на сумму равную «BUY-IN».

Мы подошли к столу, я усадил Элизабет на купленное место и тут же встретил взгляды удивлённых игроков – моих знакомых. Элизабет была удивлена не меньше.

«Сегодня ты играешь за меня», – шепнул я ей на ушко, – «А я, пожалуй, посижу в том кресле...».

«Эльмар!» – она взглянула на меня с улыбкой, – «А ты уверен, что сумеешь меня остановить?»

«Э! Об этом я ещё не думал. Удачи тебе, милая Элизабет, моя Фортуна, моё Небо!».

Я разместился в дальнем кресле сбоку от неё и наблюдал, что происходит за столом, за каждым жестом каждого «пингвина», как будто бы подглядывал, что происходит в этом мире смертных. Невольно вспомнились слова: "вся жизнь игра", и на лице моем возникла легкая усмешка – я размышлял о людях кто игры не признает, кто пыжится – пыхтит, себя считая всех умнее, кто тешит свою жизнь самообманом, мол, никогда не позволяет себе риски. Они планируют свой каждый день, считают прибыли, скорбят по неожиданным убыткам, блефуют на словах, обманывают в деле и норовят ударить в спину конкурента... Они не признают игры. Но почему? Да потому что в правильной игре всё чисто и открыто, и все события, убытки, прибыли – всё на виду! Здесь лицемерие и подлость не пролезут! Вот почему они не признают большой игры и утопают в мелочах несчастной жизни.

Я закурил очередную ароматную сигару и снова присмотрелся к жизни за столом. На миг мне показалось, что моя Элизабет как будто бы немного растерялась. Я и подумать-то не мог, что это лишь её уловки. Она сначала выиграла немного, потом спустила многим больше, а через час, ты не поверишь, сидела с самым крупным «стейком» за столом. Прошло ещё всего лишь полчаса – она оставила всех (!) с носом! Она обчистила всех этих ГУРУ подчистую! И унесла весь банк, а это триста тысяч евро! Я был шокирован и удив-

лён! Недоумение в моих глазах читалось сразу. Я поднялся с кресла. Она, вся грациозная, несла себя навстречу. Выигранные фишки оставались на столе – менеджер найдёт нас позже и вручит чек на ту же сумму.

«Пойдём отсюда, милый мой Эльмар, моё рискованное Море!» – глаза её блестели превосходством, – «Здесь больше нечего ловить», – она мне хитро улыбнулась, – «К тому же, я чуть-чуть проголодалась...».

«Моя Элизабет! Теперь ты здесь легенда на неделю!» – я предложил ей взять меня под руку и, не оглядываясь на распахнутые рты «пингвинов», мы удалились в ресторан за главным залом Казино: янтарные оттенки в элементах интерьера, яркий свет, повсюду зеркала и гул всё той же светской суеты на фоне звона хрусталя и тостов за Фортуны в жизни и в игре.

Почти все столики забиты до отказа. Знакомых было мало, всё неизвестные мне лица – похоже, что случайные туристы – их запахи насыщенных парфюмов перемешались с запахами кулинарного шедевра.

Нас проводили за свободный столик, и мы разместились друг напротив друга. Элизабет взглянула в зеркало – кокетливо поправила причёску, коснулась бриллиантов на колье, которое, как Солнце, освещало её грудь в глубоком декольте. Она была безумно счастлива от этих скромных приключений – шутила и смеялась, заражая этим смехом и меня.

Отдав заказ на два салата «Цезарь» и вино, запив водой

огонь опасного азарта, мы продолжали проникать в миры друг друга, словно лучи соединившихся в её кольцо бриллиантов – кто от кого ослепнет первым...

Глава V. Исповедь афериста

«Ну, расскажи мне, что это такое было?» – я всё ещё никак не мог расстаться с впечатлениями от этой странной ситуации за покерным столом.

«Была игра! И я в ней победила! Ты что – не видел? Или сомневаешься в моих талантах?» – она была в восторге от себя.

«Нет, я в тебе уверен и всё видел... Но, как? Я не могу понять!».

«Причина, видимо, в моём маэстро!» – подмигнула, намекая на меня.

«Не надо льстить! Такому мастерству за вечер не научишь...».

«Не может быть! Ты разве сомневаешься в себе?» – она шутила в том же стиле.

«Ах ты, остроумная чертовка! Похоже – точно моя школа! И всё же расскажи мне про себя».

«Ты снова хочешь обхитрить меня? Ты, ведь, ушёл от этой темы уже дважды, не рассказав мне про себя ни слова!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.